

Чёрная луна

Автор:

Галя Алевая

Чёрная луна

Галя Алевая

У молодой женщины по имени Лиза, страдавшей в прошлом от побоев первого мужа, пропадает маленький сын. Она заявляет об этом в полицию и записывает обращение к похитителям в СМИ. Однако, следователь Сергей Лучный замечает, что ее поведение не соответствует поведению матери, которая потеряла ребенка. События разворачиваются возле полуразрушенного древнего монастыря, его антураж выглядит сначала лишь фоном, но вскоре оказывается, что его тайна переплетается с историей Лизы, ее ребенком и объясняет ее странное поведение.

Содержит нецензурную брань.

Галя Алевая

Чёрная луна

Глава первая. Чёрная луна

Чёрная луна в очередной раз укололась о шпиль башни разрушенного монастыря и облевала цветную царскую черепицу холодными лучами. Ветер протискивался сквозь дыры в одинокой крепостной стене. Он вспоминал хорошенькие деньки, когда мог лихо завывать между могильных крестов святош, упокоившихся в

некрополе. А теперь на этом месте уж почти сто лет как детский парк. Родительницы катают чад по некогда кладбищенской земле, а собачники позволяют своим питомцам вволю помочиться на остатки монашеских построек, которые как бы тщательно охраняются государством. Из прозрачного неба торчали звезды. Теплый яркий сентябрь принуждал его к обману – копить и прятать в себе злость. Тьма еще не решила, что делать с тучами, которые ветер обязательно нагонит. Молча пролить их на старые кирпичи или трахнуть в макушку башни от всей души. Да так, чтобы от раскатов содрогнулась железная масса в черепах приличных граждан, напоминая им о бессилии перед высшими силами. В той же нерешительности находилась и Лиза. Молодая женщина стояла перед журналистами и размышляла, как лучше поступить: навзрыд или сдерживаясь рассказывать о том, как у нее украли ребенка.

Резкий накамерный свет сбил Лизу с толку, она зажмурилась. На нее уставились объективы и потянулись черные палки с разноцветными поролоновыми наконечниками – на большинстве из них были написаны три буквы. Сверху картина выглядела так, будто дикари загнали добычу и наставили на нее оружия. Правда, нападавшие вяло переминались с ноги на ногу и напоминали скорее жирных городских голубей, которые по привычке, а не от голода ожидали своих хлебных крошек. Лиза чувствовала свою власть над ними, ведь это она поставила их на уши среди ночи.

От собравшихся тянуло парфюмом разной ценовой категории и сигаретами. Дым от курящих пытался скрыть всеобщее принуждение себя к работе. Однако, несколько пар глаз, горевших любопытством, осуждением и алчностью до эксклюзива, пробивали атмосферу раздражения и равнодушия. В целом же присутствующих подобные истории не удивляли. Они привыкли трудиться на конвейере по трансляции чужих эмоций с целью вызвать «эффект залипания» у зрителей – брать интервью у убитых горем людей или убивающих нелюдей. Многие выработали рефлекс: воспринимать людские трагедии как картошку. Неприятно брать в руки грязные клубни, чтобы помыть и почистить, но если хочешь кушать, то нужно научиться относиться к работе как к рутине. Да, приходится мараться. Сентиментальные и сочувствующие быстро перегорают на заводе потрошения судеб и уходят из профессии. Здравомыслящие переходят в редакции, где жути не требуется; садисты и психопаты вкалывают до тех пор, пока не поднимутся вверх по карьерной лестнице; а мазохисты все терпят и делают вид, что по ночам чужие слезы им не снятся.

Не дожидаясь вопросов журналистов или некой команды начинать, Лиза громко заговорила, целясь взглядом в толпу:

– Я обращаюсь к похитителям!.. Я прошу... умоляю, верните мальчика!!! Просите, что вам нужно, только отдайте мне его!

Сообщество снимающих засуетилось – не все успели нажать кнопку «Rec» на камерах. Между тем, в голове Лизы пронеслось: «Не добавит ли Христа ради, как попрошайки обычно делают?». Но язык поспешно прилип к сухому небу.

– Вы не могли бы повторить? Не успели снять! – взвыли репортеры.

– Да. Пожалуйста, – добавил еще кто-то.

Лиза повторила всё слово в слово, причем с той же интонацией.

– При каких обстоятельствах его похитили? – начал давить на нее из далека голос самоуверенного юноши.

– Я сама виновата! Да, каюсь! Никогда не смогу себе этого простить! Я оставила коляску на улице на одну минуту, чтобы зайти в магазин..., – Лиза жадно набрала воздуху в легкие. Журналисты замерли в ожидании подробностей, но обманулись – Лиза больше ничего добавить не смогла и только напряженно выдохнула.

– Как вы думаете, кто похитители?

– Я не знаю! Боюсь, что его забрали на органы! Или больные мамы бездетные! Или цыгане!... Понятия не имею... Вы не представляете какой апокалипсис разворачивается в моей голове... Я стараюсь гнать от себя плохие мысли, но они сами... – оправдывалась Лиза и тупила глаза в землю, вслушиваясь и пытаясь догадаться, подействовали ли ее слова на толпу. И ей показалось, что она все правильно говорит.

– Нам известно, что вы пошли с ребенком в магазин «Продукты 24 часа» за несколько кварталов от дома, да еще ночью. Зачем? – жестко спросил явно взрослый мужчина. Остальные неслышно поддакнули его вопросу.

«Тупицы, вы еще не знаете, что у меня есть младший сын и его я дома одного оставила», – злобно промелькнула мысль в голове Лизы.

– Понимаю, мой поступок заслуживает осуждения. Я ужасная мать и мне нет оправдания. Но мне было нечем кормить ребенка. Аванс на карту банк зачислил поздно и мне пришлось найти ближайший магазин, чтобы купить хотя бы молока. Сейчас я сожалею... Лучше бы до утра голодными посидели.

На удивление Лизы, ей удалось преподнести эту информацию дрожащим, но смелым голосом: «Ну точно, как отчаявшаяся, но готовая бороться за своего ребенка мамаша». Не успела она это подумать, как неожиданно для себя самой сорвалась на крик:

– Я прошу, я умоляю! Все отдам похитителям: пусть почку мою заберут, да хоть жизнь. Только верните целого сыночка! – от пафоса Лиза даже порвала горлышко футболки, будто бы от недостатка кислорода.

Полицейский в штатском шагнул к Лизе и спокойно прервал интервью:

– На остальные вопросы в рамках следствия завтра днем ответит наш пресс-секретарь. Присылайте запросы на электронную почту.

Журналисты недовольно зацыкали и опустили микрофоны. Мужчина строго продолжил уже не на камеру:

– Мероприятие было затеяно не с целью довести потерпевшую до инфаркта, а для того чтобы обратиться к преступникам и найти Леву.

Полицейский слегка тронул Лизу за плечо:

– Пойдем.

Растерянные глаза Лизы приняли выражение «как скажете», руки попытались завернуть тело в надорванное горлышко футболки и поправили сумку на плече. Операторы живо бросились снимать, как она садится в полицейскую машину.

Мужчину, который проводил Лизу с пресс-конференции, звали Сергей Лучный. Он был следователем и знал ее уже много лет. Она была вдовой его коллеги Александра Алегова. А пропавший ребенок – их сын, родившийся после смерти отца.

Первый раз Сергей увидел Лизу шесть лет назад из окна отделения полиции. Тогда она уже год как состояла с Александром в браке и вдруг принесла мужу обед – домашнее картофельное пюре и котлеты. За этим зрелищем наблюдал весь участок. В сером плаще, в обуви на плоской подошве, с распущенными рыжими волосами она странным образом выглядела простой и страстной одновременно. Многим она показалась заботливой. А ее взоры, брошенные на Александра, походили на взгляд любящей женщины. Но только Сергею читалась в ее глазах паника загнанной в угол жертвы, раболепствовавшей перед тем, кто сильнее. Однако этот взгляд не кричал о ее слабости, он казался наполняющимся мстостью. Пара тогда немного постояла во дворе участка. Он обнял жену и поцеловал в макушку, она обвела взглядом округу, как будто пытаясь найти причину задержаться еще, но развернулась и ушла.

Ни Сергей, ни Александр, ни другие коллеги никогда не вели подробных разговоров о личной жизни. Из редких общих фраз складывалось впечатление, что у всех отношения в семье были одинаково спокойные. К тому же и сам Лучный был отстраненным и замкнутым человеком, жену которого еще в молодости забрала онкология.

Однако при редких пересечениях по общим делам, интуиция Сергея подсказывала ему, что дела у пары на самом деле паршивые.

Несколько лет спустя, на похоронах Александра, он не мог отделаться от странного ощущения. Казалось, что вдова прятала глаза в темные очки не из желания скрыть слезы, а потому что маскировала радость. Но доказательств, подтверждающих такие догадки, у него не было, поэтому Сергей просто отогнал неясные мысли.

Но сегодня ночью, когда Лиза пришла заявить о пропаже ребенка, он уже отчетливо поймал внутри знакомый, бегающий холодок. Эта женщина точно не та, за кого себя выдает. Такое бывало с ним только рядом с братками из

девяностых, которые могли на вид быть даже интеллигентными, но при этом не чурались пыток и жестоких расправ друг с другом. От того, что Лиза вызвала такие воспоминания Сергею стало жутко.

Башня старинного монастыря из своих арочных отверстий обычно пялилась в окна его рабочего кабинета пустотой цвета бесконечности. Но сегодня, пока Лиза писала заявление, башня превратилась в маяк, направив на Сергея кровавый прожектор. Похоже, рабочие зажгли лампы в ее глубине. При этом возник странный эффект – не свет засиял внутри черных глазниц, а мгла засочилась из их чрева, отчего ночь в округе становилась темнее, чем была на самом деле.

В голове Сергея появилась мысль: чтобы найти ребенка, нужна провокация.

– Если ты считаешь, что Леву украли, давай привлекать СМИ.

– Да, точно! И еще указать телефон, если они захотят выкуп. Вдруг позвонят! – оторвалась она от листа.

– Лиз, а почему ты считаешь, что им нужен выкуп? – спокойно спросил Сергей.

– Я не знаю... Просто накидываю варианты, – промямлила она, вернувшись к бумаге, и наигранно шмыгнула чистым носом.

После общения с журналистами Сергей повез Лизу домой. Оба молчали весь путь. Он прислушивался к ощущениям рядом с ней. Она еле сдерживала себя в маленькой коробочке своего тела, чтобы не разорваться от яда внутри. В зеркале автомобиля Лиза увидела, что кто-то смотрел на нее оттуда – тот, кто носил ее шею, лицо, глаза и рыжие кудрявые волосы. «Растрепались. Это отлично» – подумал тот про себя, а Лиза трясущимися руками достала расческу из сумочки и стала судорожно водить ею по голове.

Дома их ждал младший помощник Сергея. Ему поручили приглядеть за младшим полуторогодовалым сыном потерпевшей и заодно осмотреть квартиру.

Когда-то голубые, а сейчас серо-желтые обои предательски обозначали границы своих полос, отходя от стен. С их цветом сливались межкомнатные двери, покрашенные лет двадцать назад белой краской. Сверху их украшали сырые полотенца и сваленное на сушку белье. Развесить его на балконе у Лизы обычно не хватало сил.

На полу комнаты были разбросаны детские игрушки. На них с укором смотрел сервант, который видал еще бабушку Лизы. Как и хрусталь, натертый до блеска. Рефлекс водить мягкой тканью по старым вазам был глубоко всажен в Лизину голову. Она занималась этим по утрам каждое воскресенье, как учила мертвая бабуля, а со временем привычка превратилась в спасительный ритуал, помогающий уйти от действительности. «В любой непонятной ситуации натирай хрусталь. А также стекла и зеркала в серванте» – Лизин девиз по жизни. Монотонные действия отгораживали ее от проблем и соединяли с чем-то древним. Она словно уносилась во времена, когда женщины только и делали, что сидели, застыв за одним и тем же занятием.

Младший помощник, выходя встречать Сергея, запнулся за край отошедшего от пола линолеума и чуть не упал.

– Обычно это место у нас коврик прикрывает. Как раз, чтоб ногами не зацепляться. Правда, не знаю, куда он сейчас делся, – промямлила Лиза.

Лакированные шкафы цвета вчерашней заварки не закрывались до конца, но не потому что ломались от одежды, а оттого что та валялась комом на полках. На комодестоял громоздкий музыкальный центр и видик с кассетами родом из девяностых. И еще парочка полок с книгами, которые не трогали, судя по слою пыли, в отличие от хрусталя, столько же лет, сколько бабулю в гробу. Чужаком из будущего на их фоне смотрелся современный тонкий телевизор на стене размером с окно. Само окно было пластиковым, но завешано шторами того же цвета, что и выдавшие виды обои.

Последние несколько лет у Лизы не было сил ни на уборку – она наводила чистоту только перед приходом гостей, ни на то, чтобы вымыть голову – она вспоминала об этом, лишь собираясь на улицу. Иногда даже почистить зубы сил

не находилось. И вовсе не из-за лени – просто почти всю энергию забирали слезы. Ее сжирала черная дыра внутри. Большую часть времени она лежала и молча плакала. Определить причину нахлынувших слез никак не удавалось. Хоть бы мозг нашел какую-то зацепку!

«Кто тебя обидел, Лиза? Чего тебе хочется, Лиза? Почему ты плачешь?» – вела она внутренний диалог.

«Я не знаю. Меня одолевает «слезный ступор» – так она определяла свой припадок. И добавляла про себя: «Как жаль, что, спрыгнув с третьего этажа, не получится разбиться насмерть! Только покалечусь».

С детьми Лиза не играла, но все же заботилась о них. Следила за тем, чтобы они не болели, были вовремя накормлены и нормально одеты. Чтобы соседи и воспитатели в садике могли сказать про нее: «приличная женщина и хорошая мать».

В моменты прилива энергии, которые отдаленно напоминали вдохновение, она бралась за швейную машинку и тогда квартира оживала. Стук механизма напоминал биение здорового сердца, словно бегун мчался к своей цели. И этот звук ненадолго придавал бодрости тому потухшему существу, звавшемуся Лизой. Но чаще она садилась за рабочий стол из чувства ответственности за детей – чтобы сшить заказанные наряды и немного заработать. Особенно плодотворными днями были праздники. Так, перед новым годом квартиру заваливали голубые и красные ткани, мишура и блестяшки. А летом – перед выпускными – на глаза попадалось все что угодно – от нежных пастельных оттенков, которые подчеркивали непорочность вчерашних школьниц, до ярких леопардовых, выпячивавших их готовность к взрослой жизни.

Лиза никогда не осуждала ни один из выборов девочек, а лишь подмечала особенности фигуры, разрезы глаз и длину волос, предлагая фактуры тканей и модели, которые бы отражали их внутренний мир. Скользящий атлас или шероховатый хлопок, прохлада или тепло, призыв или защита. Единственное, чего еще не потеряла Лиза – это профессиональный нюх на ощущение, которое ткань транслирует через кожу внутрь хозяйки, а та выплескивает его обратно наружу через взгляд и некий невидимый женский вайб. Однако, судя по тому, что машинка была запечатана и стояла в углу, к ней давно не прикасались.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/aleeva_galiya/chernaya-luna

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)